

Словом «шиза» в годы студенческой молодости я и мои друзья называли... а действительно, что мы называли «шизой»?

Во-первых, наши выступления на театральных капустниках. Их называли еще «баландами». Мы играли сразу в нескольких харьковских самодеятельных театрах. Театр в те годы (потом их назовут «годами застоя», и в этом смысле мы сегодня переживаем украинский «постзастой») был территорией свободы. Тут можно было быть свободным, точнее, играть в свободу и играть свободу. Как получится. Театру мы посвящали все свое свободное время. Его было и много, и мало. Как и свободы.

Во-вторых, «шизой» называлось все комичное, подсмотренное в жизни или возникающее спонтанно в ходе нашего общения. Отсюда появилось выражение «шизовать». Шизовать можно было и в театре, и в жизни. Шиза могла быть законченным мини-спектаклем, который часто игрался на сцене, а если была слишком рискованной, то в разных компаниях на дому. Шиза могла исполняться и всего лишь один раз строго в одном месте. На реке Белой летом 1975-го мы в составе студенческой агитбригады «захватили» на пару часов агиттеплоход, превратив его в «плавучую материально-техническую базу утопического социализма». Это тоже считалось шизой.

Короче, шиза — это Шиза! Образ мысли, способ самовыражения, вид искусства, образ жизни. Уверен, те, кто видел наши шизы, а тем более участвовал в них, запомнят это на всю жизнь. Потому что жизнь — это Шиза! Что-то подобное, кажется, уже сказал Шекспир. Кстати, его «Гамлет» — потрясающая шиза!

Сегодня с театром покончено. Мы уже не шизуем.

Мы — это друзья нашей верной студенческой юности: Саша Кальниченко, Витя Евменов, Слава Но-

виков, Володя Зельдис. Саша и Витя рядом — в Харькове. Слава — в Нью-Йорке, Володя — в Ванкувере.

Изредка мы пишем друг другу некие тексты — напоминания о молодости и свободе. Все чаще я пишу только для своих близких. И только.

Я рискну познакомить вас с нашими шизами, точнее, их литературной тенью. Потому что настоящая шиза в целях гигиены смеха и свободы должна быть одноразовой, как шприц. И свои подлинные шизы мы никогда не записывали. Увы?

Не уверен. Я смотрю на это все по-сократовски.

И еще. Доброй половины этих шиз не было бы, если бы в нашей жизни мы не встретили Марка Энтина и Гарри Керцера, театральных заговорщиков — авторов легендарного харьковского театра «СИНТ-63», а можно сказать и так: театральных режиссеров-авторов легендарного харьковского заговора «СИНТ-63». «СИНТ-63» был для них тем, чем для меня было АТВ-1. Публичным заговором....

Марка Аркадьевича уже нет. Он ушел не сразу. 2 года он играл мучительнейшую роль без слов...

Мы все когда-нибудь станем актерами Театра Теней. А пока...

ШИЗЫ

Середина восьмидесятых. Шиза, разыгранная в квартире харьковского режиссера Марка Энтина после запрета его постановки пьесы А. Володина «Две стрелы» в театре им. Шевченко.

ДВЕ СТРЕЛЫ

РОЛИ ИСПОЛНЯЮТ:

Кадр — Александр Кальниченко

Голос — Сергей Потимков

Голос за Кадром: Шли годы. Сменялись эпохи. Люди снова изобрели театр. Наконец-то настала наша эра. Заработали приемники, приемные, дисплеи, дискотеки, плееры и плейбои.

ПАРИЖ. Журнал «Бель Ами» поместил рецензию на постановку малоизвестным режиссером Марком Энтиным моноспектакля с маской порнотрюков и смелой голографией «Две стрелы Амура». Спектакль идет в переполненном зале за железным занавесом, контрабандно вывезенном Энтиным из СССР.

ЛОНДОН. Хаудудельник «Ху из Ху» сообщает об успехе спектакля «Две долгих стрелы в тумане». Спектакль поставлен уже хорошо известным континентальной публике режиссером сэром Марком. Массовые сцены спектакля помогли правительству решить проблему безработицы среди молодежи.

НЬЮ-ЙОРК. Известный в Европе режиссер-авангардист Энтин вышел на широкую дорогу — Бродвей, осуществив постановку мюзикла «Две стрелы — два образа жизни». В главной роли — Савелий Крамаров, выступающий под псевдонимом Стенли Крамер.

СИДНЕЙ. Всемирно известный деятель культуры Марк Энтин реализовал сногшибательное шоу «Два бумеранга». Стопроцентное попадание в тех, кто попал на это зрелище на олимпийском стадионе. 50000 зрителей — 50000 жертв искусства.

Минздрав Австралии предупреждает: если вы хотите сохранить коренное население страны — закройте театральный сезон отстрела.

ДЕЛИ. Газета «Дейли Дели» сообщает о прибытии в страну великого гуру Марка Энтина для реализации религиозного действия-мистерии «Две священных стрелы в жопу неверных». Новая вспышка маркомании и энтинизма оттеснила на второй план волнения в Пенджабе.

ПЕКИН. Бесконтрольный взрыв рождаемости сопровождает повсюду официальный визит в Китай режиссера-гегемониста Энтина, прибывшего для создания грандиозного спектакля-митинга «Великая китайская стрела». Правительство КНР сообщает, что в районе постановки спектакля и в те же сроки состоится крупномасштабные военные учения под названием «Золотой Конек». Цель учений — полный разгром потенциального, а также и не потенциального противника.

ПРЕТОРИЯ. Сюда нелегально прибыл борец и мудрец — товарищ Марк. Здесь он намеревается осуществить постановку танцевально-освободительных движений. В гигантском спектакле будет участвовать все население страны.

БОРТ КОСМИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ «СЭЛИНДЖЕР». Космонавт-режиссер М. Энтин осуществил свою звездную мечту — поставил лазерное шоу «Две Белки — две Стрелки».

Мероприятие организовано на паритетных началах между США и СССР в рамках культурной программы переговоров на самом высоком уровне.

ХАРЬКОВ. Сюда вернулся режиссер Энтин М.А. для восстановления спектакля «Две стрелы». Театральная общественность города надеется, что после 20-летнего перерыва премьеры все же состоится. Ведь теперь, говорят, все решают уже другие кадры.

Кадр за Голосом: Пусть говорят.

О СУЖДЕНИЕ!

(протокол одного заседания)

РОЛИ ИСПОЛНЯЮТ:

Вячеслав Анатольевич — Вячеслав Новиков

Сергей Юрьевич — Сергей Потимков

С.Ю.: Все актеры присутствуют? Старобаринов? Староторкин? Староковский?

В.А.: Старыгин? Старобульба? Не надо подниматься — вам это тяжело. Сидите. Сидите себе тихо.

С.Ю.: Старобрандо? Староринго? Простите, Рингостаро? Старовердиев? Старопунька? Старопунька?!

В.А.: Его «скорая» забрала после первого акта. А ведь всем говорилось: — Не стойте под стрелой, тем более под двумя!

С.Ю.: А Володя пришел? Нет? Надо же! Володина пьеса обсуждается, а он не пришел.

В.А.: Зато режиссер здесь. Начнем обсуждение. Так, все актеры — свободны! Можете свободно обмениваться своими мнениями. Но не здесь. Свободны!

С.Ю.: Вячеслав Анатольевич, ну а вы как считаете, можно спектакль показывать людям?

В.А.: Я думаю, что не только спектакль, но и пьесу не стоило бы показывать никому. Даже мне, хотя я в себе вроде бы уверен.

С.Ю.: Согласен, согласен. Вы посмотрите, что этот Энтин сделал с нашими красивыми актерами! Он превратил их в ушастых длинноносых уродов. Зачем всем такой грим? Понимаю, каменный век, но они же все похожи не на первобытных людей, а, простите, на первобытных семитов! Что вы смеетесь, Энтин? Вы хотите вывести в нашем театре новое племя актеров?

В.А.: В нашем театре, который обессмертил себя такими постановками, как «Живой труп», «Мертвые души», «Смерть Тарелкина» и целым рядом спектаклей из серии «Смерть замечательных людей». Вы, Энтин, покусаетесь на самое святое — трупный дух, вернее, на дух трупы!

С.Ю.: Признаться, я не очень разобрался и с оформлением спектакля. Что означает циферблат с двумя неподвижными стрелками? Просто две стрелы? Или что время стоит? Наше время? Или что распалась связь времен? Или что счастливые часов не наблюдают? Или что час от часу не легче?

В.А.: А красные стрелки, которыми он расписал вестибюль? Я проследил, куда они ведут. В туалет! Это что за театральная метафора? Вы думаете, мы тут ничего не понимаем? Нюх потеряли?

С.Ю.: Вячеслав Анатольевич, стрелки были и раньше — еще до Энтина. Тут опасно другое — он вооружил актеров луками! Это же просто штурмовики какие-то, да и только! А следующей вашей постановкой, Энтин, будут «Разбойники» Мюллера?

В.А.: Шиллера...

С.Ю.: А все они на одно лицо! Когда вы предложили к постановке «Две стрелы», я думал, это пьеса о современности, о наших буднях — неполадки со стрелками, борьба с недостатками одних и недостатком других, поиски виновного стрелочника... Это мне казалось очень свежим и любопытным.

В.А.: Мы даже пригласили на премьеру представителей Управления Безопасности Культуры Движения Южной Железной Дороги. Рассказывали им, что пьеса о путях развития путей сообщения. А тут в прямом смысле каменный век!

С.Ю.: Но мы же с вами не в каменном веке живем! Телеграфируйте! Значит, так: — «Управление ЮЖД, — Вячеслав Анатольевич, пишите, — не Ю-ЖИДЫ, а ЮЖД, — Торжественно приглашаем премьеру «Две сестры».

В.А.: Но у классика «Три сестры».

С.Ю.: Ничего. Продолжаем: — «План экономии актерских ресурсов и энергозатрат перевыполнен. Сэкономленным сырье обязуемся поставить подшефной свиноферме пьесу «Один (прописью) поросенок». Ваши и народные артисты».

В.А.: Сергей Юрьевич, получается «инародные артисты».

С.Ю.: Да что вам везде Энтин мерещится! Считайте, что он нам просто приснился. Энтин, прекратите сниться и смеяться!

З а н а в е с

Конец восьмидесятых. Марк Аркадьевич Энтин пытается создать новый театр «Начало». Дебют театра — спектакль по пьесе Н. Эрдмана «Самоубийца».

Он игрался в здании Успенского собора, больше известном харьковчанам как Дом органной музыки. Состоялось всего несколько премьерных спектаклей. «Начало» очень быстро закончилось.

Шиза «Самоубийца» разыгрывалась по случаю премьеры.

САМОУБИЙЦА

РОЛИ ИСПОЛНЯЮТ:

Первый Ведущий — Сергей Потимков

Режиссер Энтин — Сергей Потимков

Безымянная актриса — Сергей Потимков

Второй ведущий — Александр Кальниченко

Корреспондент — Александр Кальниченко

Безымянный актер — Александр Кальниченко

Прапорщик Невменяйло — Александр Кальниченко

1-й Вед.: Добрый вечер, дорогие телезрители! Мы в прямом эфире, и в этом эфире передача «Взгляд». Уточню — «Косой взгляд».

2-й Вед.: Сергей ошибся, год Зайца уже позади. Сегодня год Дракона. И наша передача называется «Испепеляющий взгляд».

1-й Вед.: В программе: интервью с режиссером Марком Энтиным, которое наш корреспондент взял у него по его же просьбе.

2-й Вед.: Встреча с рядовым зрителем — прапорщиком Невменяйло.

1-й Вед.: Встречи с ведущими актерами и с несведущими. Новости культуры.

2-й Вед.: И другие видеокляпы и видеоялпусы.

1-й Вед.: Саша, перед тем, как мы включим пленку с интервью, вопрос: а сам ты смотрел спектакль, о котором пойдет речь?

2-й Вед.: Я опоздал на «Начало» и пришел уже к моменту отпевания покойного.

1-й Вед.: Да, «Это Только Начало» — так, по-моему, называется театр. Я слышал, спектакль получился не только загробным, но и задушевым. Во всяком случае, это мнение секретаря партбюро Собора владыки Порфирия.

2-й Вед.: Да, ведь в спектакле остро затрагиваются проблемы служителей культа личности, затрагиваются в оккультном плане.

1-ый Вед: Я спросил, видел ли ты спектакль, но забыл спросить, понравился ли он тебе?

2-ой Вед: Как отвечать: по науке, по религии или по совести?

1-ый Вед: Как Бог на душу положит.

2-ой Вед: По религии самоубийство в храме — преступление. По науке — эксперимент он и есть эксперимент. А по совести... давайте пленочку посмотрим с интервью режиссера.

Корр: Марк Антонович, простите, Антон Маркадьевич, то есть, Марк Аврелиевич, ваш театр — это театр трех С: самофинансируемый, самоокупаемый и, значит, самоубийственный. В этой связи — каково ваше кредо, ваше алиби, ваше либидо, ваш ребус, в конце концов, точнее резус?

Энтин: Пока что положительный, вернее, положительное, потому что сальдо — это оно. Я хочу, чтобы было самоубийство за билетами. Чтобы зрелище было массовым, кассовым и бесклассовым!

Корр: Чтобы искусство было бесклассовым?

Энтин: Да, искусство хозрасчета, искусство торговать.

Корр: А вы не боитесь, что вас изгонят из храма?

Энтин: Но мы ведь только на пути к храму.

Корр: А ваше отношение к религии?

Энтин: Это, конечно, опиум, но ведь для народа! Я Марк...сист, мое отношение к маку...

Корр: Да, я вот вижу шрамик у вас на руке...

Энтин: Пустяки. Это прививка от оспы.

Корр: А травку курите?

Энтин: Нет, только фимиам.

1-ый Вед: И маленькое интервью с исполнителем главной роли спектакля «Самоубийца».

Корр: А знаете, я вас в гробу видел!

Актер: Спасибо, спасибо на добром слове.

Корр: Ну что вы, что вы! Не надо подниматься!

Корр: Наше следующее интервью — с исполнительницей главной женской роли. Это жена самоубийцы. Говорят, гениальность — это болезнь. Как вы думаете, ваш режиссер здоровый человек? Или...

Актриса: Некоторые симптомы я видела лично. Он мне показывал. Показ — это его излюбленный метод. Он, знаете, сначала попсикует немножко, а потом мы начинаем все анализировать.

Корр: Другими словами, Энтин владеет методом психоанализа?

Актриса: Да, анализа психов. Он такое может показать! Благодаря ему я поняла разницу между экзистенциализмом и экзистенциализмом. Он мне это просто на пальцах объяснил. Нет, он — гений показа. Вот один просто палец покажет — и нам всем все понятно.

Он этот спектакль, можно сказать, одним пальцем и сделал. Да я сама как актриса тоже пальцем сделанная!

Корр: Спектакль начинается с эротической сцены. Ваше отношение к эротике?

Актриса: Вы знаете, голая правда — такой редкий гость в театре. Я считаю, что не зритель должен приходить и спать в театре, а актеры! И потом, мы играем «Самоубийцу» поздно вечером, после спектаклей в своих основных театрах. Приходим уставшими, сонными... Ну как тут без эротики? Засыпаю прямо на сцене. Я тут со всеми уже переспала. (Начинает загибать пальцы.)

1-й Вед.: Короткие информационные сообщения, связанные с премьерой.

2-й Вед.: В день первого показа «Самоубийцы» на прилавках магазинов появились наборы «Сделай сам». Набор включает мужской галстук, платок, густо надушенный хлороформом, обильное количество таблеток димедрола.

1-й Вед.: На стадионе «Нетрудовые резервы» завершился чемпионат города по стрельбе между курьерами и инкассаторами. Для еще горячих поклонников этого вида спорта срочно требуются доноры.

2-й Вед.: Достигнуто предварительное соглашение с Голливудом об эксгумации, простите, экранизации «Самоубийцы» Эрдмана Марком Энтиным. Фильм станет одной из картин сериала о международном терроризме. В сериал также войдут: «Выстрел» Пушкина, «Поединок» Куприна, «Дуэль» Чехова, «РВС» Гайдара, а также «ООП» Ясира Арафата.

1-й Вед.: Под прямым влиянием спектакля «Самоубийца» в Харькове открыто общество «Милосердие». Интересно, что многие именно из «Милосердия» стали первыми зрителями постановки.

2-й Вед.: Еще одно любопытное сообщение: в Токио театрально-милитаристская группировка самообороны «Банзай» заявила о желании пригласить Энтина для постановки спектакля «Камикадзе» — так в Японии перевели пьесу Эрдмана. Все 20 исполнителей главной роли в предполагаемых 20 спектаклях — мастера кабуки и хакари — с нетерпением ждут русского сенсэя.

1-ый Вед: В кооперативном издательстве «Задняя мысль» в серии «Вперед!» выпущено полное издание всех критических статей, посвященных харьковским постановкам Марка Энтина под общим заглавием: «Не могу смотреть!». Авторы, которые с закрытыми глазами помнят все спектакли этого режиссера, потому что и смотрели их с закрытыми глазами, призывают перенести их из зрительского зала в зал суда. Предложение поддержано обществом «Память» и альтернативным ему обществом «Склероз».

1-ый Вед: Продолжаем программу. Нас, безусловно, интересовало мнение и рядового зрителя. Хотя, по правде, он не совсем рядовой. Итак, прапорщик в отставке — Невменяйло! Я сразу же хочу поздравить вас с присвоением внеочередного звания — народного прапорщика УССР. Ваше мнение о спектакле.

Невменяйло: Это не спектакль! Это безоговорочная капитуляция, сдача позиций, уход с баррикад, за которыми столько лет оборонялось наше искусство от маздонских, а если быть точными — масонских наскоков всяких там Мейерхольдов, Станиславских и прочих Неймеровичей-Данченко. Я как настройщик перестрелки, вернее застрельщик перестройки хочу заявить: спектакль «Самоубийца» — это выстрел в спину нашему прошлому, нашему передовому прошлому. Я против эрдманиакальных поползновений протащить на нашу сцену системы Брехта, Фрейда, Смита и Вессона! Не вам, Энтин, учить нас, в кого и как стрелять! А можно у вас сигаретку стрельнуть? (стреляет сигаретой себе в рот).

1-й Вед.: Всего хорошего! Берегите себя! Не курите в театре!

2-й Вед.: Помните: курение — это самоубийство!

Занавес

Это фрагмент большой шизы, которая была придумана и разыграна на сцене Харьковского госуниверситета в юбилейный для него 1975 год.

1805

РОЛИ ИСПОЛНЯЮТ:

Ведущий — Сергей Потимков

Председатель, он же губернатор — Сергей Потимков

Павел Андреевич, ограниченный военный с неограниченными возможностями — Вячеслав Новиков

Аристарх Никанорович, тайный советник, малодушно душевный человек — Александр Кальниченко

Нил Кузьмич, камердинер, капельмейстер,

камер-юнкер и немножко камер-сант — Виктор Евменов

Ведущий: «Мне предстоял путь через Курск и Харьков, но я своротил на прямую Тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в Курском трактире, и не любопытствуя посетить харьковский университет, который не стоит курской ресторации». Александр Сергеевич Пушкин. Из «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года». Кто из нынешних студентов предпочтет учебе в харьковском университете работу в курском ресторане? Да никто! Но что-то заставило Пушкина написать эти строки. Что? Вспомним, как это было.

Председатель: Господа, я собрал вас для того, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие: мы должны открыть... или не открыть Харьковский университет. Какие будут предложения. Павел Андреевич, вы человек военный, вам и карты в руки!

Павел Андреевич: Если нужно что-то закрыть, перекрыть, зафатить, офатить, перефатить, то тут у меня опыт есть, опыт колоссальный. А вот насчет открытий, тут я, простите, не капельмейстер, мы с Александром Василичем Копенгаген не брали-с.

Но если решено будет открывать университет, то начать надо безусловно с открытия военной кафедры. А может, этим даже и ограничиться.

Председатель: Аристарх Никанорович, а ваше простодушное мнение, просто душечка вы наша?

Аристарх Никанорович: Господа, жё не манж па сис жур. Жё, жё, я, я... посижу.

У меня Анна на шее и детишек куча. И потом я тайный советник и советовать открыто не обучен.

Председатель: Нил Кузьмич, мил Кузьмич, вы-то что думаете?

Нил Кузьмич: А не надо думать! Ученье — вот чума! Ученье — вот причина, что нынче больше, чем когда ученых развелось и слов, и дел, и мнений! По мне собрать бы все книги в одну большую публичную библиотеку...

Аристарх Никанорович: Назовем ее Александрийской, в честь нашего императора Александра Павловича!

Нил Кузьмич: Да, собрать все книги в одну Александрийскую библиотеку — и сжечь! Так сказать, самое полное собрание сожженных сочинений.

Павел Андреевич: А может... (обнажает игрушечную саблю)

Председатель: Рано, Пал Андреич, рано! Батюшка-государь поставил перед нами совершенно определенную задачу.

Нил Кузьмич: А средств не дал!

Павел Андреевич: Други мои, средства — это деньги?

Аристарх Никанорович: Деньги, деньги. А деньги — это не просто средства, это еще и средство. О! Политика государя в данном вопросе, по-моему скромному разумению, суть таковыя — всесторонне благочестивое способствование процветанию просвещения православия населения...ни я, ни я, ни тем более вы, Пал Андреич, не можем взять на себя такую колоссальную безответственность — стоять в основании... нии...нии...

Председатель: Да какое тут НИИ! Тут паршивенький университетикшко организовать бы.

Павел Андреевич: А может!.. (обнажает игрушечную саблю)

Председатель: Рано, Павел Андреевич, рано!

Нил Кузьмич: А по-моему, государь, боясь заговоров, хотел бы, чтобы мы все-таки открылись. Откроемся, господа! А государь пожелует нас по-хански.

Председатель: По-хански? Пахан это может.

Аристарх Никанорович: И тогда к моей Анне мне Андрея Вознесенского-Первозванного в петлицу дадут!

Павел Андреевич: Правильно! Андрея Вознесенского — в петлицу! А всех пидарасов — в темницу!

Нил Кузьмич: А я от Его Величества хотел бы изящную табакерку получить с надписью славянской вязью: «Лейб-медицинский департамент уведомляет: курить — зело здоровью вредить!»

Председатель: А вдруг идея Харьковского университета сошла с пера, с пера Сперанского того же! А государь подмахнул по-царски,

по-царски не подумавши, и слетела к нам директива. И вот задумается однажды государь, призовет к себе и спросит за всё. За всё!

Павел Андреевич: А я всё верну, слово офицера! Вот чтоб не сойти мне с этого места!

Нил Кузьмич: Пал Андреич, а что это вы стали как вкопанный? Надо что-то решать. Тут двух собственных мнений быть не должно.

Аристарх Никанорович: Да всяко может быть. Может, с державного дуба на нас посыплются не лавры, а шишки, каждая размером вот с такую баклушу! (хватает за голову Нила Кузьмича.)

Нил Кузьмич: Осторожно! Не бейте мою баклушу!

Председатель: На этот случай нужно заготовить кандидатуру основателя Харьковского университета.

Нил Кузьмич: Так есть таковая — Каразин! Сам на рожон прет-с.

Председатель: Каразин... Каразин... Ах да! Бедная Лиза!

Аристарх Никанорович: И тогда призовем его чуть что и скажем: — Что ж это вы, батенька, Василь Назарыч, с университетом-то ай-ай-ай!

Нил Кузьмич: Промашка вышла!

Председатель: Конфуз, накладочка, лажа-с!

Павел Андреевич: Засада-а-а-а!!!

Председатель: Господа, повеселились и хватит! Вернемся к нашей проблеме.

Нил Кузьмич: А может, вместо университета построим оперу типа кабаре? (начинает напевать что-то фривольно французское)

Павел Андреевич: У меня на сей счет есть несколько оперативных соображений. Эх, славный Ахтырско-цыганский полк! (тоже пробует петь)

Аристарх Никанорович: Господа, я против оперы! Нам нужны образованные, а не культурные люди. Я бы даже сказал проще: нам нужны обыкновенные студенты.

Председатель: Друзья, мы все топчемся вокруг да около. Я устал от этой околесицы.

Павел Андреевич: а ну-ка выдайте нам простое солдатское резюме.

Нил Кузьмич: Резаните правду-матку!

Аристарх Никанорович: Пошлите нас на поприще! Мобилизуйте нас!

Павел Андреевич: Господа, я человек трижды конфуженный в голову. Но мысль моя свежа... даже после вчерашнего. Если и открывать университет, то только в совершенно закрытом виде. Он должен стать крепостью для вольнодумцев. Никто не должен из нее выйти, тем более с дипломом.

Нил Кузьмич: Он должен стать узницей кадров!

Аристарх Никанорович: Ссылкой для авторитетов!

Павел Андреевич: Неодолимым бастионом для всей отечественной науки!

Председатель: И потом, господа! Мы всегда можем сказать, что открытие университета в Харькове — это большая дезинформация Буонапарте. Пусть думает, что Россия — просвещенная страна!

Павел Андреевич: Он ежели пожалует к нам, то будет изысканных маневров ждать, а мы его народной дубиной да по котелку!

Аристарх Никанорович: Котел ему устроим, в дугу Курскую согнем!

Нил Кузьмич: С огнем, пардон, смешаем и в снегу закопаем!

Председатель: Итак, решено, университет мы не откроем, а только при-откроем, чтобы в любой момент можно было его — хлоп! — и закрыть вместе со всеми абитуриентами, аспирантами, доцентами и прочими фармазонами!

(все радостно смеются и потирают руки)

Занавес

Данная шиза — фрагмент большого новогоднего представления, разыгранного на сцене Харьковского госуниверситета. То было время большой шизы, которую Горбачев назвал в апреле 1986-го Перестройкой.

ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДУЩЕЕ

РОЛИ ИСПОЛНЯЮТ:

Гид — Владимир Зельдис

Робот — Владимир Зельдис

1-й пилот — Сергей Потимков

2-й пилот — Евгений Бобков

Студенты Универсона — студенты Харьковского госуниверситета

Робот: Предъявите ваш пропуск! Предъявите ваш пропуск!

1-й пилот: Женя, у тебя есть какой-нибудь документ? Эй, что ты ему показал?

2-й пилот: Членский билет общества трезвости.

1-й пилот: Ну, вот мы и в будущем.

2-й пилот: Что-то здесь все по-старому.

1-й пилот: Женя, а что такое новое, как не хорошо забытое старое? Может, мы просто хорошо помним старое, а в будущем люди, глядишь, и забудут его.

(появляется гид)

Гид: Мы рады приветствовать вас в нашем Универсоне Телепатии!

1-й пилот: Как-как? Универсон?

2-й пилот: Телепатии?

Гид: Нет, телепатия для нас пройденный этап. Мы общаемся уже на уровне телепатии. Но с вами я буду говорить на вашем языке.

(достает бумажку, читает)

Вы прибыли к нам в судьбоносный момент в истории нашего Универсона, когда длинный сон и, скажем откровенно, слегка затянувшийся, переходит в свою короткую фазу, когда медленный сон становится быстрым. То, что и не снилось нашим студентам 10 лет назад, теперь уже снится. Приглашаем вас на научный сонпозиум, посвященный проблемам высвобождения снотворно сно-гсшибательных сил.

2-й пилот: Да тут же все спят!

Гид: А что им еще прикажете делать? Они спят, а сонпозиум идет. Связь между докладчиком и аудиторией телепатическая. Мне жаль, что вы не слышите этой бури голосов, мощных столкновений мнений, грома оваций.

1-й пилот: А если нужно принимать решение, как вы голосуете?

Гид: Голосуем как во сне. Голосуем тайно. Тайна сна, кстати, охраняется законом.

2-й пилот: А может, кто-то во сне что-то не то видит или что-то не так?

Гид: Сны у нас делятся на общественно полезные и личные. Разглядывать личные сны на сонпозиуме неприлично.

(один из спящих вздрагивает)

1-й пилот: Кажется, вам иногда снятся и кошмары.

2-й пилот: Сон разума порождает чудовищ?

Гид: Разум у нас не дремлет, а это так — покритиковали человека немножко.

Вздремнем, друзья, а?

(засыпают и поют:

«Ой да не вечер, да не вечер мне малым-мало спалось»)

1-й пилот (проснувшись): Сонпозиум сонпозиумом, а вот как вы открытия делаете?

Гид: Не как, а где. Во сне, конечно. Ваш Менделеев открыл свою таблицу во сне — это общеизвестно. Сон вездесущ. Во сне мы умеем летать. Лучшее время человечества — сон. Судите сами: в музыке — МендельСон, в балете — ЯкобСон, в медицине — ПаркинСон, в поэзии — просто Сонеты того же Шекспира, в науке — ЭдиСон, в кино — Эйзенштейн, то есть БесСОН. И вот даже в сфере обслуживания — гарСон, обвеСон и везде, просто везде — маСоны, маСоны, маСоны!

2-й пилот: А как у вас с внедрением открытий?

Гид: Во сне телепатически. Крепкий сон — двигатель прогресса. Главное, чтобы у прогресса были крепкие тормоза. Самые фантастические проекты во сне реализуются молниеносно. Во сне студенту ничего не надо — у него все есть: любимый предмет, любимый преподаватель, любимое дело и просто любимая. У нас нет таких понятий, как проспал, недоспал, переспал. Приляжем, а?

(засыпают, поют: «Спи, ночь в июне только 6 часов...»)

1-й пилот: Послушайте, а если к вам сюда нагрянет комиссия?

Гид: Не нагрянет. Комиссия боится нарушить здоровый сон, свой в первую очередь.

2-й пилот: А это кто такие?

Гид: Ребята из опорного пункта добровольной охраны сна.

1-й пилот: Ага, что-то наподобие дружинников, своеобразное ДНД. А ЦНБ у вас есть?

Гид: Центр нервных болезней?

2-й пилот: Нет, Центральная Научная Библиотека.

Гид: А, Центральная усыпальница! Пройдемте, там и покураемся.

1-й пилот: Как-то у вас все однообразно.

Гид: Ну почему же? Мы спим, дремлем, дрыхнем, дохаем, куняем, клюем носом, давим клопа, грезим, витаем в облаках — как видите, мы охватываем все виды человеческой деятельности. А вот и наша усыпальница! Вам повезло: вы здесь как раз в период зимней спячки, простите, сессии. Вот наши лучшие студенты — Барсуков, Медведев, Сурков, Хомяк и гордость нашего Универсона — Свинкин-Морской! Глубочайшие знания, полная летаргия.

1-й пилот: А этот чего не спит?

Гид: А это двоичник — Ванькин-Встанькин. Мы его отчислим за академическую недосыпаемость.

2-й пилот: А как у вас с физвоспитанием?

Гид: С дыхательной гимнастикой? Пройдемте в гимнастический зал. Полюбуйтесь: наши лучшие студенты — на кольцах Петр Беспробудный, а вот на брусьях спит в «цукахаре прогнувшись» другой великолепный мастер.

1-й пилот: А как его зовут?

Гид: Цукахара его и зовут. А вот уже второй год не слезает с коня чемпион Универсона Эрнст Дремучий. Вот подобные ему дремучие студенты и составляют гордость нашего вуза.

2-й пилот: А это кто?

Гид: Это очень слабый футболист — Бессонов. Может, приляжем?

1-й пилот: Но ведь ваш сон не вечен!

Гид: Но он обязательно станет вечным. К этому мы все стремимся. В заключение я хотел бы поспать с вами в студенческом клубе. Там сегодня дают Храповицкого.

2-й пилот: У вас есть студенческий клуб?

Гид: А как же! Это наша колыбель, колыбель нашей цивилизации. Мы его еще называем «гроб с музыкой». Ведь наш сон сначала был

самодеятельным, любительским. А сегодня это самодеятельное движение охватило всех. В исполнении нашего фольклорного ансамбля «Дрим» послушайте старинную песню из не менее старинного спектакля «Проснись и спи!».

2-й пилот: Сергей, нам пора улетать.

1-й пилот: Женя, ты знаешь, я, кажется, сплю и вижу, что мы летим.

Гид: Мы все тут спим и видим, когда вы улетите. СНОВЫЙ Год! СНОВОЕ счастье!

Занавес

Эта шиза прозвучала в эфире Харьковского областного радио в 1988 году. Еще многое было нельзя, но уже модно становилось, чтобы было немножко можно, хотя чуточку было и нельзя, но ведь в то же время было и чуточку можно, нельзя ведь уже было сказать, что уж совсем было нельзя...

ИСТОРИЯ ОДНОГО РЕПОРТАЖА

РОЛИ ИСПОЛНЯЮТ:

Редактор — Вячеслав Новиков
Сидоров (он же Петров) — Вячеслав Новиков
Потимков — Сергей Потимков

Кабинет редактора

Редактор: А, Потимков! Привет! Кстати, я о тебе только что думал: где это, думаю, Потимчук пропал или запропастился, как вернее? Что делаешь-то, а?

Потимков: Да я вот думаю...

Редактор: А вот это плохо. Передачу готовить нужно! Ты, Потемкин, эти свои барские замашки брось. Дело делать надо!

Потимков: Так я вот хочу передачу сделать о хорошем человеке, артисте.

Редактор: Понял, понял, артисте своего дела.

Потимков: Хотелось бы, чтобы слушатели побывали в его мастерской...

Редактор: Мелко, Потемушкин, плаваешь. К чему нам эта кустарщина — мастерская?

Потимков: Хотелось бы рассказать о людях этого цеха...

Редактор: Во! Правильно! Это другой разговор. В цех пойдешь — на завод!

Вот у меня и фамилия героя есть — Петров Петр Петрович. Мастер. Даже старший.

Работает в «ящике». Вот тут внимательно. Завод секретный. Проникнуть архисложно. Правда, говорят, газету туда пустили. Если не будут пускать, представишься заказчиком. Словом, что-нибудь придумаешь. Не пускят, возьмешь интервью у проходной.

Потимков: У кого?

Редактор: У проходной. Петрова узнаешь легко — он там на Доске почета висит. Но без фамилии, сам понимаешь — гостайна. И помни: слово — не воробей, оно свободу любит! Как начнешь?

Потимков: Промозглое, сырое декабрьское утро. Кажется, спал бы еще и спал...

Редактор: Плохо. мрачно. Бесперспективно. Итак, яркое, морозное утро. Весело блестит под ногами первый снег. Продолжай!

Потимков: Нагие руки деревьев тянутся к бледной, уже исчезающей звездочке — это Марс, бог войны, на исходе своих сил...

Редактор: Ну, Потемнищев, ты даешь! Ты часом виршами не балуешься? Полный декаданс. Там на воротах такая звезда — слепой увидит! Подсказываю в последний раз: нескончаемый людской поток...

Потимков: Вереницей тянутся друг за другом люди...

Редактор: О, Потамкин, уже лучше!

Потимков: Идут рабочие...

Редактор: Хорошо!

Потимков: Инженеры...

Редактор: Это сократить.

Потимков: Уже сокращают.

Редактор: Вот, Путемкин, теперь я вижу, что ты основное направление уловил.

Проходная завода

Потимков: Товарищ! Товарищ! Вы случайно не Петров?

Петров: Ну, вообще-то я Сидоров в миру, но на работе — Петров.

Потимков: Понимаю, понимаю — режим секретности. Вот вы работаете на таком производстве, на таком ответственном участке, выпускаете определенную продукцию. А сами вы-то знаете, что вы выпускаете?

Сидоров: Так об этом весь Харьков знает! Наш цех, в частности, занят производством боеголовок для игрушечных ракет, предназначенных в первую голову детям военных. Но сегодня и нас затронула конверсия. Мы осваиваем для Сирии серийное производство мясорубок, которые по тактико-техническим данным не уступают, а в чем-то и превосходят лучшие западные образцы. Пока что это мясорубки среднего радиуса действия, но мы постоянно работаем над качеством.

Потимков: А для каких целей предназначены ваши, так сказать, игрушки?

Сидоров: Прежде всего для того, чтобы развивать у школьника инициативу, как стратегически-оборонную, так и наступательную,

а также чувство ответственности за порученное дело. Мы учим ребенка думать, а потом уже нажимать на кнопку.

Потимков: Скажите, а не чувствуете вы себя таким Дедом Морозом, который дарит радость детям?

Сидоров: А как же! Вот мы сейчас работаем над новогодним сюрпризом: ядерной елкой с продолжительным периодом распада. Благодаря свинцовому экрану елка будет сохранять свежесть до 23 февраля. Риск облучения сведен до минимума.

Потимков: Скажите, если не секрет, а чем занимается соседний цех?

Сидоров: Секрет, конечно. Но вы, репортеры, и немного разговаривайте. Ладно, расскажу, чего уж там. Бинарное химическое оружие делают ребята. Но это уже для старшеклассников. Очень познавательная игра. Школьники знакомятся с основами аннигиляции и нейтрализации. Вот в 25-й школе дети год играли в эту игру, от которой ребенка просто трудно оторвать, а потом их всех без экзаменов приняли и разместили на стационаре мединститута.

Потимков: Еще один вопрос: а был ли в вашей жизни наставник?

Сидоров: Был. Его звали Иванов Иван Иванович. Он мне отцом родным был, а не просто наставником.

Потимков: Петр Петрович, я хотел бы с вами посоветоваться. Может, я так и назову свой репортаж: «Петров — сын Иванова»?

Сидоров: Не, нельзя. Начальство ругаться будет. Нельзя Иванова упоминать.

Потимков: А чью фамилию можно?

Сидоров: Я думаю, Финкельштейна — у него все равно допуска нет.

Потимков: Отлично. «Петров — сын Финкельштейна»! Есть в этом какой-то шарм.

Сидоров: И ребятам, уверен, понравится.

Потимков: И последний вопрос: есть ли у вас хобби, увлечение какое-нибудь?

Сидоров: Да, мы с ребятами ходим в драмстудию. Вот недавно «Гамлета» осилили. Я его и играл. Вышел — хрясь по столу! Потом и говорю: «Быть или не быть... бригадному подряду?»

Потимков: А над чем вы работаете сейчас?

Сидоров: «Кошкин дом» хотим поставить, но если начальник цеха согласится на роль Мышкина, то ставить будем «Идиота».

Потимков: Тогда разрешите вот на такой высокой ноте и закончить наш репортаж:

«Сидоров — сын Финкельштейна». Мне и самому было интересно познакомиться с людьми завода военной игрушки. Ярко и слепяще гудел под ногами снег, по-домашнему уютно пыхтели трубы завода. Я возвращался в редакцию, бережно прижимая к груди новогодний подарок Петрова (Сидорова) — детский набор ротового санинструктора. Я знал, моей дочери он понравится. У кого еще Дед Мороз будет стоять под елкой в противогазе?!»